ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 7.10.92 № 41 (5418) **O**

«Одна-из всех-за всех-противу всех...»

Мария АВВАКУМОВА

1. Звезд не выстраиваю в ряды — бес-полезное дело: все равно разбегутся. Разве что на книжной полке... В 1966 году в библиотеке татарско-русского городка А. притулились рядышком два новеньких синих (драгоценных!) тома Цветаевой и Пастернака, целый год ни-

кем не востребованные. Ждали меня? 2. Что ближе: правая или лезая рука? Различия — видимость, это для стилистов и классификаторов. А для меня они ровня. Сколько состыковок и перекрестий при всего одной прижизненной встрече! У старшей начало — книга Вечер, у младшей — Вечерний альбом. одной — Лебединый стан, у другой — Белая стая (лебединая?). От татарского корня пошла фамилия Ахматовой, на татарской земле кончилась телесно Цветаева. У Анны — крымский Херсонес, у Марины — крымский Коктебель. У той. другой — по столице. Ахматова поэт исполненного долга, «искупительного глагола», Цветаева ничем не изменила «единственной обязанности на земле человека — правде собственного существа». Ходили ли они в «писателях га-зет»? Нет... И обе — ведьмы, обе пророчицы.

Обратившись к нумерологии по Пифа-(«Мир построен на силе чисел»), я обнаружила, что и число имени у них одно — 5. Это означает, что силы их были равные, кроме того, это число указывает на единое главное качество — Духовную свободу. ...Больше всего такие люди любят путешествия и приключения, к чему толкает их душевное бес-

Поэты, как никто, демонстрируют единую мировую душу. 3. Было такое. От любви — до... Бу-

дучи в юности максималисткой до жестокости, я не простила раздвоенности на двух Марин. Одна — в письмах к Рильке: утонченная, царственно-гордая, гениальная, другая - в письмах к Тесковой (они на беду подвернулись мне лет пятнадцать назад): опрощенная, слезливая, готовая чуть ли не в ногах валяться, выпрашивая помощь. Я отвернулась от Цветаевой (или она — от меня). Помню, что и синюю книгу из серии «БП» подарила подруге. Затмение продолжалось долго. Возвращение — оно случилось, когда я научилась прощать да и сама намотала соплей на кулак.

4. Ее «драгоценные вина» — те стихиму космосу, где «...молодая Буря слушает Бога — где-нибудь в поле, в какойнибудь темный час». Но проще сказать. что не люблю. Не люблю, как Анна, откровенную заумь, не люблю игру поэтической мускулатурой, хоть это и было противостоянием немоте. Я начинаю догадываться, что Цветаева — непрочитываема, ибо неисчерпаема, как разбегаюшаяся Вселенная. Цветаева — это, говооя языком атомщиков, большой взрыв. И чтобы ее понимать, надо изучать физику взрыва. И еще много чего.

5. Она пришла и потрясла древо поэ-— как подземные толчки, намекавшим на близящееся огромное несчастье:

Столь мощного характера, заключенвая литература, предполагаю, не знала. И как не ощутить влияния! Оно — в эманациях тревожного духа. В ее стихах, кроме ранних, нельзя оставаться долго: закружит, закрутит, затянет...

6. Как все живое Другое дело, что это за влияние... «Жив, а не умер Демон во мне! В теле — как в трюме, в себе — как в тюрьме». Этот цветаевский демон! Он влечет и отталкивает. Но зачем-то мы встретились на татарском картофельном поле. близ Камы (кармы)? Мне было девятнадцать лет, когда я услышала: «Брось, девушка! — Родишь читателя газет». Однокурсница чувашка Валя Апанасова читала по памяти ту, о которой я слыхом не слыхивала. Среди мокрой грязной картошки... Для роковой встречи место самое подходящее. Далее — настоящие страсти по Марине. поездка в Елабугу, поиски могилы (их начал критик Рафаэль Мустафин. Этапы поиска, как бестселлер, распечатыва-лись в «Комсомольце Татарии»). Газетку храню четверть века. Для моего духа это целая эпоха: страсти по Марине далеко не поощрялись... Но об этом какнибудь потом.

Время от времени она продолжает мистифицировать меня: заставляет думать о себе, ведет по своим адресам.

..Она не умела управлять борением в себе сил мрака и света, а поэтому больше разрушала, чем строила. Ей нужен был духовник, духовный наставник: она нуждалась в расширении психического сознания. У Марины, похоже, была только одна в этом смысле важная встреча — с Волошиным. Но и он в ту пору был лишь учеником. Вот о какую стену бился ее дух, окончательно подмятый «страной обид».

7. Марина, защищенней там?

Иосиф БРОДСКИЙ

1. Иов, Иеремия, Лев Шестов. Имена поэтов в голову не приходят.

2. На этих высотах — Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пастернак — иерархии не существует. Русскому читателю неслыханно повезло: ему даны четыре великих поэта. Выбирать, что ближе,себя обирать.

4. Гораздо легче перечислить то, что мне менее дорого: «На красном коне», «Царь-Девица», «Молодец».

5. По существу — нет. Но это не ее беда. Наиболее значительным примером ее влияния является для меня евангельский цикл Б. Пастернака, где Пастернак из поэта микрокосма, из поэта центростремительного превращается в поэта центробежного. Это можно, разумеется, объяснить проблематикой цикла, я, однако, склонен приписывать расширение метафизического радиуса, характерное для этого цикла, внутренней зависимостью Пастернака в данном случае от ряда стихотворений в цветаевском сборнике «После России»

6. Безусловно. 7. Что я мог бы для вас сделать?

Евгений ЕВТУШЕНКО

1. Если говорить о поэтах-женщинах, то я думаю, что равных ей не было в мире. Но классифицировать поэтов по такому признаку, с моей точки зрения унизительно и для профессионального, и для женского достоинства. Для меня Цветаева стоит в ряду таких имен, как Лермонтов, Некрасов, Блок, Пастернак, Есенин. Маяковский, Пушкин — это особая статья, потому что в нем начало и всей русской поэзии и прозы.

2. Ахматова по уровню литературного вкуса, может быть, тоньше, чем Цветаева. У нее почти нет плохих стихов. Тем не менее, на мой взгляд. Цветаева является, как и Ахматова, хранительницей классических пушкинских традиций, но она и великий новатор формы, скрестивший классику с народными причитаниями и наговорами.

3. Менялось только в сторону восхищения ее мужеством и потрясения ее личными трагедиями. Особенно меня поразили когда-то ее письма Анне Тесковой, где она просит, чтобы Тескова прислала ей поездом платье. И когда я посетил Елабугу, меня ужаснула надпись на фанерке: «В этой кладбища похоронена Марина Цветаевз». Может быть, никто из русских поэтов не был так унижен, как Цветаева и Мандельштам,

4. «Тоска по родине...», «Вчера еще в глаза глядел...», «Читатели газет», «Попытка ревности». Удивительно, что, несмотря на почти невозможность пере-Цветаевой это стихотворение преодолевает другие языки и потрясает людей даже в переводах.

5. Во-первых, нравственное влияние. Она была глубочайше нравственным человеком и ни разу не предала поэзию. И ее укоряющий пример оказывает очищающее влияние. Безусловно, оча раскрыла после Маяковского новые, дополнительные возможности русского стихосложения, которые изначально драгоценно скрывались в русском фольклоре.

6. Мне кажется, что профессиональный поэт невольно испытывает влияние даже тех поэтов, которые далеки от него по стилю. Это неизбежно. Точно так же, как мы вдыхаем воздух, состоящий из кислорода, выдышанного деревьячто писали наши

Цветаева дала нам самый главный пример, что горе — не позор и несчаку. И еще один великий урок: большой мастер может выковывать свое мастерство и совершенствовать его, несмотря на ужасные условия быта.

7. Я бы просто поцеловал ей руку.

Владимир КОРНИЛОВ 1. Рядом с Пастернаком, Хлебнико-

Ахматовой, Есениным, Маяковским, Мандельштамом. 2. Трудно ответить. Цветаева соврсменней и ярче, в Ахматовой больше

3 К ее стихам — только в сторону еще большего восхищения. К ней са-«Страдалица Марина» назвала ее Ахматова, и точнее не скажешь.

4. «Поэма Конца», «Поэма Горы», «Нз красном коне», «Поэма Лестницы», «Никто ничего не отнял...», «Попытка ревности», «Вчера еще в глаза глядел...», «Тоска по родине...», «Читатели газет» и еще, как минимум, полсотни вещей. Из прозы — «Мой Пушкич», «Герой труда», «Световой ливень», «Искусство при свете совести», статья о Пастернаке и Маяковском.

5. Цветаева повлияла на многих современных поэтов прежде всего оглушительной новизной стихотворной формы. (Об этом хорошо написали И. Бродский в статье о «Новогоднем» и Е. Эткинл в статье «Строфика Цветаєвой».) Ло Цветаевой стихи носили в основном «воспоминательный» характер. Что-то происходило с героем прежде, до стихотворения. У Цветаевой трагедия идет при нас, прямо на наших глазах. Разумеется, Цветаева многое взяла от ранних поэм Маяковского, но у нее стих естественней, пластичней, интонационно раскованней; при всей своей взрывной энергии он одновременно и весом, и легок, и всегда грациозен. Конечно же, современные поэты не могли пройти мимо такого богатства,

6. Испытывал, испытываю и стараюсь не скатиться до прямого подражания. 7. На мой вопрос: «Как Вам удавались такие стихи?» — она бы не смогла ответить, потому что сама не знала. Поэтические удачи рождаются в той душевной смуте, в которую не войдешь

Александр КУШНЕР

1. Имя Цветаевой стоит для меня в ряду имен лучших поэтов XX века. Любить Цветаеву трудно. То есть ее, конечно, любят, но преданней всех нетребовательные читатели особенно читательницы, загипнотизированные эмоциональным напором, любящие в стихах голую страсть, взвинченные чувства, бутафорию, противостояние поэта толпе-эту архаическую коллизию, в которой они отождествляют себя с автором. Стилизацию. Ложно-фольклооные формы, все эти «оскользь», «аль?», «не распозната», «урвуся», «жысть», «чутко-слуханная» и т. п. Расхожую м фологию с вырезанными из бумаги Тезеями и Федрами и такими же героями новой европейской мифологии —

Гамлетами, Офелиями, Наполеонами. Цветаеву нельзя не любить, потому что на своем труднейшем пути, пройденном ею в абсолютном одиночестве, вопреки всему только что сказанному, она продвинула поэтическую речь и завела ее так далеко, как будто вместе с

Поэты о поэте

AHKETA «ЛГ»

1. В каком ряду имен стоит для вас имя Марины Цветаевой?

2. Кто вам ближе: Ахматова или Цветаева!

3. Менялось ли ваше отношение к стихам Цветаевой! К ней самой! Если менялось, то когда и как!

4. Что из написанного ею вы считаете лучшим!

5. Ощущаете ли вы влияние Цветаевой на русскую поэзию!

6. Испытываете ли сами ее влияние!

7. Какой вопрос вы хотели бы задать самой Цветаевой!

ней работала целая поэтическая школа. Потому что сделанное ею нельзя измерять привычными мерками «правды образа», «точности рисунка», «верности зрительных впечатлений»; потому что она не видела, а слышала, и даже не слышала, а месила руками глину поэтической речи:

Потому что только ее невероятный слух мог зарифмовать «на» и «сама» «стань» и «сам» и всем фонетическим и смысловым контекстом добиться того. чтобы эти слова и впрямь стали рифмой. Потому что там, где другой давно бы остановился и признал поражение и в жизни, и в стихах, она только брала разгон, настаивала на своем, входила во вкус и азарт (оба слова крайне неудачны: это мы имеем дело с азартом и вкусом, - для нее речь шла о жизни и смерти) и одерживала победу, не отличая ее от поражений.

2. Ахматова мне ближе, но сравнивать Ахматову и Цветаеву нет необходимости; Ахматова сопоставима с Кузминым, Цветаева — с Маяковским.

3. Поэзия Цветаевой была огромным событием моей юности. Что произошло потом — об этом мне удалось, кажется, сказать в стихотворении, написанном несколько лет назад, вполне случайно, как пишутся почти все стихи:

В тревоге не оглядываться... С ней, Германию любившей и Вандею. Не страшен был бы путь в стране теней.

Отталкиванья от таких страстей Избыточных... Сильней очарованья В поэзии нас ждали, и нежней,

Таинственней и вкрадчивей... Мужчины Извилистее в речи стиховой Морсние им доступнее пучины, Их слух тесней братается с листвой.

Душа — хотел сказать я и запнулся, их женственна, не ведая о том. Поэтому Орфей и оглянулся При всем своем уме, забыв о нем.

4. Поэмы «Горы» и «Конца», «Новогоднее», «Попытка ревности», «Маяковскому» (1930), «Без зова, без слова...», «По холмам — круглым и смуглым...», «Прокрасться...», «Тоска по родине! Давно...», «Сад» и некоторые другие.

5. Самое большое влияние Цветаева, я думаю, оказала на Бродского (а вовсе не Ахматова, как принято считать)-и в смысле отношения к жизни с безоглядным и бескомпромиссным желанием «Творцу вернуть билет», и в «техническом», стиховом плане — закрученный, «веревочный» стих с многочисленными переносами (анжанбеманами), с помощью которых каждая следующая строка цепляется за предыдущую,

6. Цветаевского влияния никогда не испытывал.

7. Задать вопрос самой Цветаевой значит увидеться с нею. Такого желания у меня нет, и не только по отношению к Цветаевой: все подобные встречи бессмысленны и ничего не дают, кроме огорчения или разочарования. Поэты понимают друг друга еще хуже, чем люди, не пишущие стихов. ший разговор с поэтом — разговор с

Владимир ЛЕОНОВИЧ

1. В плеяде ярчайших поэтических имен - всех, кому не так давно критик Ф. Кузнецов отказал в способности «колонновожатыми». Прибавлю сюда имена Анны Барковой и Даниила ндреева, Владимира Высоцкого и Белы Ахмадулиной.

2. Ахматова — сдержанностью, исусством тишины, классической гармоией стиха, таящего все дисгармоничекие возможности, но не выплескиваюцего ни капли.

3. Менялось, вибрировало, это проолжается и сейчас. Но в юности был езусловный восторг — как перед стауей Ники; с оскудением души явились одозрения во взвинченности (читай еискренности), нарочитых котурнах, да мало ли в чем — но это проблемы че оэта, а читателя,

4. Трудно перечислять; здесь целое лоскогорье, где и дышать трудно. баждая вещь больше самой себя, в том ее трагическая прелесть. Преельность звучания, «вагнеризм» есть екоторое насилие над русским ухом, один из барьеров, который начитателю, скорее слушателю, предолеть. Творчество Марины Цветаевой ь приглашение к подвигу всевозможпреодолений и собственно подвиг ервоначальном значении этого сло-

Безусловное — как влияние всякого подвижника на русскую жизнь, стало быть, и поэзию. В чем конкретно? Об этом надо писать статью, и она будет полна неожиданностей. У всех поэтов, кроме, пожалуй, Бунина, Ахматовой и Есенина — Цветаева «слышна» гак или иначе. Соблазн естествоборчетва (со временем, со смертью, с Богом, с полом) постиг очень многих де-тей нашего столетья; Цветаева замечательна тем, что родилась еретицей и в

е устах эти дерзости естественны, езусловное — как влияние исповеди ареннейшего и много страдавшего и обившего человека.

Поверхностное — «цветвевщина», На последнем одре Пастернак скасыну: умираю непримиренный.

Ходасевич писал: не стоит песен под-Вас он, подлый, хотел себе уподоить, но только убил. Стоит ли он пе-

Семен ЛИПКИН

Марина Цветаева принадлежит к тем емногим русским поэтам XX века коорых будут читать в третьем тысячеетии. Возможно, что ее поймут глубже,

2. Ахматова — великий русский поэт. поостерегся бы приложить этот эпик имени Марины Цветаевой, как и другим бессмертным именам, скаем, Батюшкова, Языкова, Случевского, Маяковского, У Цветаевой есть одно преимущество перед Ахматовой: проза е гораздо выше ахматовской.

3. Мне было семнадцать лет, когда в родном городе, на развале, я приобрел бесценок «Версты» Цветаевой Стики ошеломили меня, через несколько ей я знал всю книгу наизусть. С тех далеких пор мое отношение к поэзии ветаевой не менялось.

4. Как и 64 года назад, по-прежнему тношусь к «Верстам» восторженно. Но многие последующие стихи Цветаевой прекрасны, трудно перечислить все. Равнодушен я к ее поэмам (наверно, вина моя). Исключения — «Поэма оры», «Крысолов», но и они уступают, как мне кажется, цветаевской лирике 5. Поэтический инструментарий Цзэтаевой восприняли некоторые из ныне здравствующих русских стихотворцев. сли же говорить о более серьезном влиянии, которое бросается в глаза не разу, то надо прежде всего назвать родского. Кстати, лучшее, что написао о Цветаевой, это эссе Бродского, освященное ее стихотворению «Ново-

7. Когда мы познакомились с Мариой Ивановной, когда совершали проилки по улицам Замоскворечья, мне се время хотелось ее спросить: «Поему вы сюда вернулись?» Хорошо, что не задал ей этого вопроса. Я тогда, в онце сорокового, ничего не знал об мигрантской деятельности Сергея Эф-

Булат ОКУДЖАВА

. Александр Сергеевич, Борис Леоидович, Ахматова, Мандельштам. 2. Мне ближе Ахматова. Строем свостихов, своей философией и традинностью формы. Хотя это нисколько умаляет достоинств Цветаевой 3. Нет. Мое отношение к ней самой менялось. А отношение к ее стихам?

осторженное отношение постепенно

нилось весьма возвышенным признаем. Но я почувствовал в какой-то моент. Что она не совсем мой поэт. 4. Я не могу перечислить. У нее много рекрасных стихов и прозы. Это займет

очень большое. В ее поэзии проявилось гармоническое сочетание трагической судьбы и самого возвышенного, бескорыстного служения своему предназна-

6. Нет, я никогда не испытывал. 7. Чем я могу быть вам полезным в житейском смысле?

Владимир СОЛОУХИН

1. Пушкин, Лермонтов, Боратынский, Тютчев, А. К. Толстой, Некрасов, Фет, Бунин, Блок, Есенин, Гумилев, Цветаева, Ахматова, Набоков (как поэт), Булгаков (хотя и не поэт)...

2. Вечный «школьный» вопрос: «Кто ближе, Лермонтов или Пушкин?» Оба ближе, в данном случае обе. Но можно было бы ответить и по-озорному: Алек-

3. Отношение не менялось, просто шел медленный процесс «узнавания» — от полного незнания даже имени (в деравенские школьные годы) до полного и

4. Сборник стихотворений «Лебединый стан», а в нем — в особенности — четыре строки:

— Где лебели? — А лебели ушли. — А во́роны? — А во́роны —

— Куда ушли? — Куда и журавли, — Зачем ушли? — Чтоб крылья не достались.

К сожалению, «Лебединый стан» до сих пор мало известен нашему читате-5. Исследованием этого я не занимаюсь, но каждый предыдущий поэт так

6. В осознании действительности да, в самой поэтике — не испытываю. 7. Вопросов нет.

или иначе влияет на последующих поэ-

Виктор СОСНОРА

1. Есть мужская и женская поэтика. В женской поэтике я знаю имена Сафо и Коринны. За последние годы в Европе не появлялось других имен. Не было их и у нас. Первое яркое явление такого рода — Цветаева. Если взять вышеназванных гречанок - они равноценны, мировой уровень Цветаевой неос-

2. Ахматова страдала аграфией, малописанием. Она несколько десятков лет писала «Поэму без героя», единственную, золотой фонд русской литературы, произведение, я бы сказал мистическое и космическое. Цветаева такче вещи писала ежедневно. Они у нее были нормой. Поэтому мы сравниваем

3. Меняется отношение к поэзии. В поэтике есть абсолют, неизменный. Это касается и больших и малых. О малых: у Тютчева 4 стихотворения наивысшей категории. При всем уважаемом мастерстве никакой личности нет у Анненского. О больших: Пушкин всегда интересен, но отнюдь не каждый стих его гениален. Но Пушкин сам по себе абсолют, его внутренний мир, индивидуум. Такого рода явлений у нас больше нет в XIX веке. XX век дал абсолют: Хлебников. А Блок, Маяковский, Пастернак, Есенин — они гении неровные, спады, срывы, измены вкусу и слову, служба власти и соответствующая

4. 1918 год всех их сломал, а Цветаевой поднял голову, но уже в эмиграции. Революция пошла на благо одной Цветаевой, ее творчеству. Ее красивая, альбомная лирика сломалась, ее по-ахматовски «тонкие попытки» стали трагико-человеческими и бурными. Это сродни мужской драме Софокла или Маяковского («Облако в штанах»). Вообще Цветаева, как и положено крупной личности, поэт драматургический демиургический. Таковы ее «Поэма Горы», «Поэма Конца» и близстоящие сти-

5. Довольно трудно после этого ряда имен говорить о последующей русской поэзии. Я предпочитаю поэтику. В поэтике влияние Цветаевой я вижу у Вознесенского и Бродского. Потому влияние может быть только на крупных поэтов. А подражание... поставим здесь три точки.

6. Нет, не испытываю. Но в 60-е годы испытывал ее влияние, но также и «Слова о полку Игореве», Кирши Данилова, Державина, фольклора, Мимо этой поэтики Цветаева тоже не прошла. 7. Вопросов нет.

Борис ЧИЧИБАБИН

1. Не могу мысленно поставить Марину в какой-нибудь ряд, мне представляется, что это было бы невыгодно и неудобно и для нее самой, и для этого ряда. В любом ряду, по-моему, она была бы посторонней и лишней, и любой ряд, в какой ее попытались бы запихнуть, не выдержав ее присутствия, расплавился бы и распался. Действие ее личности на мою душу огромно, чудесно и необъяснимо. В стихах я люблю

гармонию, меру, ясность, а в Марининых строчка заходит за строчку и все безудержно, неостановимо, как стихийное бедствие. И, казалось бы, столько ненужного мне, чужого, чуждого, неприемлемого в завихрениях и выкаблучиваниях ее пути, в рискованных и сомнительных духовных приключениях и творческих экспериментах. Не могу же я сочувствовать ее любви к Наполеону, Казанове, Стеньке Разину. Но зато как безоглядно-щедро, жертвенно-щедро дарит она себя! Все в ней — не мое, чужое, зато вся она - своя, родная, даримая, Марина. Как это может быть — не знаю. Недаром же она Марина. Единственный на свете поэт, которого мы, с покаянной и благодарной любовью принимающие ее дары, называем запросто по имени. Так называют царей и святых. И так зовут любимых и близких -друга, сестру. Скажешь: Марина, услышишь: Марина-и не нужно ни отчества, ни фамилии, каждый русский зна-

Если сказать «по-детски, по-дурацки», как я иногда люблю, то единственный ряд, в который я мог бы поставить это имя, должен был бы открызаться именем Иисуса Христа. Я вижу в этом ряду святых, героев, поэтов, одержимых духом дарителей, нежалельщиков себя, мучеников, вестников света-Пушкина и Моцарта, Жанну д'Арк и святого Франциска, Микеланджело и Бетховена, Альберта Швейцера и Александра Меня. Из русских писателей. близких по времени Марине, я вижу там Льва Толстого и Александра Блока. Она — такая же, они вместе. И как спасительно нужны нам 2. Слава Богу — и какое неправдопо-

добное счастье, что в России в одни и те же годы существовали и творили два этих великих поэта. Они противоположнесовместимо разные (тоже до неправдоподобия), и каждая из них своим, по-своему близка и необходима мне, читателю. За исключением Пушкина не было в русской поэзии такого гармонического, совершенного, величаво-прекрасного мастера, как Ахматова, и не было в ней (даже среди мужчин) такой героически-громадной личности, такого кровоточащего и щедрого сердца, такой могучей и ликующе-отдающейся души, как у Марины. Среди людей, пишущих стихи, бытует мнение (я слыхал его не раз от больших поэтов), что Ахматова - обыкновенная женщина, но великий поэт, Цветаева же - великая личность, но никакой не поэт. Я никогда не соглашался с этим. Для меня обе они великие поэты, но великие по-разному, разной поэтикой. Свои собственные стихи я рад был бы, если бы мог, представить на суд Ахматовой и не знал бы большего счастья в жизни, чем то, какое испытал бы, если бы что-то в них ей понравилось. Но общаться с ней я не мог бы и не хотел бы. Мою провинциальную неотесанность подавляли бы ее царственность, дамскость, эстетическое высокомерие. Они не восхищают, а отталкивают меня. Марина, насколько я представляю ее по воспоминаниям о ней, по ее собственным письмам, а главное, по ее стихам, родственней мне, роднее, дружить я хотел бы с ней. Знавшие ее люди говорят, что это было бы тяжело и трудно, но я бы рискнул и думаю, что мне бы удалось. И все-таки повторю: какое счастье, какое чудо, что обе они есть у России! В ближайшие столетия такого не предвидится и не повторится.

3. Бывают периоды (они бывают всегда: были раньше, случаются теперь, бу дут еще), когда после долгого и влюбленно-внимательного перечитывания Ахматовой мучительно трудно сразу тут же читать стихи Марины. Нужно подождать, переключиться, настроиться. Если не считать этих естественных и временных состояний, то с тех пор, как я открыл для себя эти стихи-а узнал я их поздно, гораздо позже ахматовских, с уже сформировавшимся вкусом и слу-— мое братское, жаждущее, любящее отношение к ним никогда не менялось. Уверен, что и не изменится.

4. Я отвечаю на эту анкету в волошин ском Коктебеле, в Мар нином Коктебеле, любимом ею, памятном ей, на веранде служебного помещения в двух шагах от дома, где звучали когда-то ее юные и быстрые шаги. У меня нет под рукой ее книг, поэтому отвечаю, как помнится. Из поэм — «Крысолов» и «Поэма Горы», стихов так много, что их перечень занял бы всю анкету. Не меньше стихов, очень люблю всю цветаевскую прозу, считаю ее великим, гениальным русским прозаиком.

5. О несомненном, очевидном, огромном влиянии Цветаевой на русскую поэзию, влиянии таинственном, непроизвольном, часто подспудном и незаметном (когда заметно — это уже не влияние, а эпигонство, и оно не интересно), написано и сказано так много, что нет никакой нужды в повторениях и

6. Не мне судить. Мне не хотелось бы ее поэтического, профессионального, ремесленного влияния и очень хотелось бы влияния человеческого, личностного, духовного.

7. Ни о чем бы я не спрашивал Марину: кто я такой, чтоб спрашивать ее? Просто сказал бы, что люблю.

Администрация Центрального Дома Литераторов сообщает, что творческий вечер поэта

АВГУСТА МУРАНА

по просьбе организаторов переносится на 30 декабря и состоится в Большом зале ЦДЛ в 18 00.

Вход по пригласительным билетам.